

«Трактат о греховности человека» заканчивается интересным правилом: «Птица небесная и рыбы морская, — купно нерече божественное писание, — яко от моря есть бытие обоего сего, приводить же и преходящая пути морская, киты великия, глаголет, яко чрепину имущая кожу, от них же ни единая рыбы несть».¹ Смысл этого правила был бы совершенно не ясен, если не обратиться к «Истины показанию» Зиновия Отенского. Оказывается, это правило использовалось Феодосием Косым. В 60-х годах XVI века Зиновий Отенский опровергал мнение крылошан, полагавших, что человек, «рыбы великия в мори и гады, и киты, такоже и птица небесная, и звери, и львы, и слоны великия на земли» являются равнозначными творениями бога, которые рождаются и умирают естественным путем. Зиновий борется с утверждением еретиков о том, что для «исправления» и «поновления» «человеческого устройства» царь принесет большую пользу, чем воплотившейся в человека бог.² Учение о самовластии человека, развитое в «Лаодикийском послании», «Написании о грамоте» и в Кормчей Курицына, не без оснований можно считать гуманистическим. Это учение было направлено против существующей церкви, так как ставило под сомнение необходимость церкви в деле спасения душ. Архиепископу Геннадию и Иосифу Волоцкому приходилось не раз убеждать, что и поныне все спасаются от бога через посредство церкви. Внимание Ивана Волка Курицына к вопросам «праведного суда» позволяет предположить, что московские вольнодумцы видели в практической государственной деятельности, направленной к укреплению дворянского государства, «спасение» для людей. Их широкому обращению к разуму не противоречили взгляды на веру как на ограждение души. Официальная церковь боролась с широким пониманием свободной воли человека. Одна из статей Рязанской Кормчей 1284 года учит, «яко не подобает епископом, ни прозвитером пускати на волю дети свои, ни дать им самовласть».³ Автор «Беседы Валаамских чудотворцев» отрицает какую бы то ни было свободу воли. Он утверждает, что если бы человек был самовластен, то тогда не нужны были бы цари и князья. Вероятно, крайние еретические группы (вряд ли это были московские еретики) отрицали пользу властей вообще.

5

Первая часть Кормчей книги Курицына, «Мерило праведное»,⁴ тождественна с началом древнейшего списка «Мерила праведного».⁵ В середине статьи «Об исправлении суда» текст прерывается словами, смысл которых в том, что, когда судишь, необходимо иметь «страх божий и целомудрие».⁶

Древнейший юридический сборник «Мерило праведное», созданный в конце XIII века, состоит из двух частей: введения и главной части.

¹ Там же, л. 100.

² Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 263—265.

³ ГПБ, Собр. Толстого, I, № 311, л. 24, правило 35 Карфагенского собора.

⁴ БЛ, рук. МДА, фонд., № 187, лл. 1—43, «Сия книги мерило праведное».

⁵ Мы пользовались для сличения списком ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 145/1222, лл. 148—171, который является точной копией самого древнего из дошедших до нас списков «Мерила» — БЛ, Троицк. собр., № 15.

⁶ М. Н. Тихомиров предполагал, что статьей «Об исправлении суда» кончалось «Мерило праведное» первой редакции, к которой близко стоит единственный список Ивана Курицына (см.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 94). Нам кажется, что «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына в точности повторяет текст древнейшего «Мерила» и прекращение переписки древнейшего текста имело для Ивана Курицына определенный смысл, а именно: заострить во введении в Кормчей вопрос о «праведном суде».